

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-320-332>

УДК 7.067

ББК 85

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. Г. В. Варакина

г. Москва, Россия

© 2022 г. С. Н. Переволочанская

г. Москва, Россия

© 2022 г. В. В. Азарова

г. Санкт-Петербург, Россия

© 2022 г. В. Е. Добровольская

г. Москва, Россия

ИКОНОЛОГИЯ И КОМПАРАТИВИСТИКА: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ДИСКУРС

Аннотация: Статья является результатом комплексного исследования авторского коллектива и затрагивает разные области гуманитарного знания: искусствоведение, филологию, фольклористику. Объединяющим стержнем статьи стал принцип межпредметности и научные методы иконологии и компаративистики. Обращение к данным методам продиктовано как полистилистичностью современного искусства и культуры, так и изменением соотношения текста и контекста в рамках научного дискурса. Усиление роли контекста в границах конкретной научной области позволяет выйти на уровень общехудожественных и даже общекультурных обобщений. При этом исследуемый художественный текст мыслится как часть общей системы, что позволяет видеть в нем не только единичное, но и единое. Тем самым художественный текст осмысливается как культурный концепт. Данный подход продемонстрирован при анализе нескольких художественно-эстетических феноменов: современного архитектурного неоклассицизма (Г. В. Варакина), стихотворения в прозе И. С. Тургенева «Христос» (С. Н. Переволочанская), мистерии XX в. (В. В. Азарова), сюжета «Амур и Психея» (В. Е. Добровольская). Общим выводом стало установление значимости междисциплинарного подхода в гуманитаристике, что обусловлено усложнением культуры и искусства и повышением требований к исследователю, его эрудиции и системности мышления. Наука стремится к раскрытию истинных смыслов, восполняя дефицит духовности постиндустриального общества. Именно поворотом к человеку, антропоцентричностью объясняется столь активный интерес к междисциплинарности научных исследований.

Ключевые слова: иконология, компаративистика, междисциплинарность, текст и контекст, интертекстуальность, символ, концепт культуры.

Информация об авторах:

Галина Владиславовна Варакина — доктор культурологии, доцент, Институт славянской культуры, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Хибинский пр., д. 6, 129337 г. Москва, Россия.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0004-3989>

E-mail: galina_varakina@mail.ru

Светлана Николаевна Переволочанская — кандидат филологических наук, доцент, Институт славянской культуры, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Хибинский пр., д. 6, 129337 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6390-0469>

E-mail: perevolochanskaja@yandex.ru

Валентина Владимировна Азарова — доктор искусствоведения, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 11, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1049-2259>

E-mail: azarova_v.v@inbox.ru

Варвара Евгеньевна Добровольская — кандидат филологических наук, Институт славянской культуры, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Хибинский пр., д. 6, 129337 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2346-7493>

E-mail: dobrovolska@inbox.ru

Дата поступления статьи: 27.02.2022

Дата одобрения рецензентами: 16.04.2022

Дата публикации: 28.12.2022

Для цитирования: Варакина Г. В., Переволочанская С. Н., Азарова В. В., Добровольская В. Е. Иконология и компаративистика: междисциплинарный дискурс // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 320–332.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-320-332>

Постановка проблемы

Интерес к проблеме междисциплинарных исследований во многом обусловлен усложнением методологического аппарата в современном искусствознании и гуманитарном знании в целом. Принцип междисциплинарности становится ведущим при анализе как отдельных объектов, так и художественных процессов современной культуры. Именно этим обусловлено тематическое расширение в рамках данного исследования с включением не только искусствоведческих аспектов, но и вопросов филологии и фольклористики.

Целью данной статьи было осмысление феномена междисциплинарности и возможности использования инодисциплинарных подходов в гуманитарных исследованиях. Основные исследовательские задачи: определить роль культурно-исторического и художественного контекстов в научной методологии; выявить возможности иконологического исследования объекта в художественном контексте; доказать перспективность компаративного исследования художественных объектов и процессов.

Классицизм как стиль и как метафора в современной архитектуре

Неоклассицизм в современной архитектуре нами рассмотрен в двух аспектах: как художественное явление и как концепт культуры. Мы ставим своей целью дать

интерпретацию неоклассицизма как маркера современной культуры, рассмотрев данный стиль в системе ее ценностей. В исследовании можно выделить несколько смысловых векторов: вариативность современного неоклассицизма и ее социокультурные причины, семантику неоклассицизма и его ценностную природу. В своем научном анализе мы разделяем позицию ряда современных исследователей: в анализе зарубежных объектов — В. Л. Хайта [2, с. 5–15, 72–84] и А. В. Иконникова [8]; в оценке классической ретроспективы — А. Ю. Грабовенко [5]; в методологическом подходе — С. Ю. Штейна [20] и В. П. Прокопцовой [16].

Вхождение классицизма в архитектурное пространство XX столетия предваряется эклектическим периодом второй половины XIX в., в рамках которого наблюдается свободное интерпретирование элементов принципов как классицизма, так и других стилевых систем. Обращение к предыстории не случайно, так как подобного рода стилиевая полифония сохраняется на протяжении всей истории современной архитектуры. Но если в первом случае стилиевые заимствования расцениваются как форма ретроспекции в период радикального технического обновления и смены парадигмы, то в культурном пространстве XX в. фантом классицизма понимается скорее символически.

Отголоском неоклассической линии в архитектуре становится русский неоклассицизм начала XX столетия — явление, которое рассматривают и как одно из проявлений модерна, и как самостоятельный стиль. Постройки 1900-х гг. действительно имеют множество точек пересечения с модерном: атектонизм, пластическое осмысление архитектурной композиции. Однако уже в 1910-х гг. характер архитектурной стилистики меняется: свободная интерпретация классической системы вытесняется традиционными для стиля ясностью и строгостью. Эта линия сохранит свою актуальность и в середине столетия. Однако в период 1930–1950-х гг. классицизм выступает не как стиль эпохи, а в большей степени как символ мощи и незыблемости авторитарного правления эпохи тоталитаризма.

В зарубежной архитектуре также возникает прецедент классицизма: в рамках эклектизма ар деко 1920 – начала 1930-х гг. и в предвоенном неоклассицизме Германии. Второй пример является прямой аналогией «сталинского ампира» и по времени, и по условиям возникновения, и по формам. Архитектура ар деко стилистически более разнообразна: классические элементы являются лишь частью стилиевой полифонии. Однако между тоталитарным неоклассицизмом и ар деко есть смысловая общность: классицизм как символ мощи и власти приобретает новый оттенок — коммерческий. И это понятно, так как ар деко проявил себя в наиболее последовательной форме в архитектуре коммерческого назначения — зданий корпораций, отелей, кинотеатров и т. д.

Очередной всплеск интереса к классическим формам в архитектуре относится ко второй половине XX в., когда фантом классицизма возникает как антитеза интернационального стиля. С одной стороны, объекты неоклассицизма весьма близки иконам неофункционализма 1940–1960-х гг., что проявляется через общность материалов и технологий, объемно-пространственных решений. В то же время нельзя отрицать связи неоклассицизма с архитектурными гигантами ар деко. Об этом подробно пишет Ю. Б. Кликич в статье «Архитектурный истэблшмент — выбор стиля», выявляя в ней причины стилиевого диалога: «“Коммерческая архитектура” ищет опоры среди безусловно авторитетных произведений» [2, с. 53].

Процесс имитации стилиевых предшественников, свободной стилизации их форм, присваивания смыслов становится нормой в рамках архитектурной стилистики второй половины XX в. и особенно в эстетике постмодернизма. Обращение к класси-

цизму в рамках постмодернизма В. Л. Хайт объясняет двояко. С одной стороны, классицизм привносит в современную культуру «столь активно и бесплодно искомые в реальном бытии <...> совершенство, гармонию, спокойствие» [2, с. 80]. С другой стороны, исследователь подчеркивает кризисность современной архитектуры, говоря о возврате к классицизму как о пути его преодоления. Таким образом, классицизм выступает и как символ высокой культуры и стиля, и как объединяющая идея, способная не только упорядочить и соподчинить части художественного целого, но и привнести в него некий символический смысл.

Так, правительственные здания заключают в себе политические смыслы; при этом классицизм сохраняет свою традиционную семантику, выступая символом власти и закона [23]. Здания общественного назначения и корпораций наделяются социальным смыслом, символизируют статусность заказчика, воплощают такие ценности, как престиж и роскошь. Частный заказ, отражая иерархичность общества, также обладает символикой: классицизм ассоциируется с элегантностью, консерватизмом и традиционностью.

Утрата базовых ценностей в современной культуре побуждает людей если не созидать новые, то формировать их подобию, симулякры. В архитектуре таким симулякром успешности и стабильности стал классицизм. Это позволяет говорить о классицизме как о своеобразном культурном коде современности.

Икона в смысловом пространстве текста И. С. Тургенева: интертекстуальные отсылки к архетипу Христа

Современная научная метапарадигма характеризуется междисциплинарным подходом к анализу и интерпретации фактов. Методология гуманитарного исследования представлена синтезом технологий, глубинным взаимодействием различных научных парадигм. Причина данного поворота — изменение направления вектора исследовательской мысли: системоцентрический подход, господствовавший в науке в первой половине XX в., сменился антропоцентрическим подходом, предполагающим выход замкнутого круга аналитических процедур над эмпирическими фактами внутри одной системы.

Человеческий фактор, диалектическое взаимодействие системоцентрического и антропоцентрического подходов, раздвинули границы познания. Именно субъект создает проекцию мира в своем сознании, моделирует его (мира) семантическое пространство. В философии и культуре возникает понятие «очеловеченный мир» [19, с. 15].

Следствием такого взаимопроникновения следует признать рождение новой модели представления знания, отличающейся от традиционной мультимодальностью и рефлексивностью, что позволяет говорить о замене строгой иерархичности на гетерархичность системы знания.

Системоцентрический подход предполагает обращение к визуально-образному знаку. Антропоцентрический подход требует более объемного по своей содержательной сущности знака — со сверхзначимой формой — для воплощения глубинного визуально-символического содержания. Идея символической знаковости нуждается в другой методологии описания, выходящей в междисциплинарные сферы, а более широко — в сферу аналогий других познающих систем. Результат — обращение к сравнительно-историческому, компаративному анализу текстового материала.

Примером такого исследования послужило стихотворение в прозе И. С. Тургенева «Христос». Текст- и смыслообразующей единицей тургеневского стихотворе-

ния является «вербальная» икона. С точки зрения знаковости, можно говорить о двух видах иконографических знаков в данном тексте. Во-первых, это канонический предмет — образ, которые представлены как атрибут храма, икона как «моленый образ», сакральный символ. Во-вторых, это образ Христа, созданный воспринимающим сознанием героя стихотворения, представленный вербальными знаками, — «вербальная» икона, она соответствует художественному тексту как эстетическому феномену. Этот образ вербальный, но его онтологическая природа есть не что иное, как образ иконографический. «Лицо, <...> похожее на все человеческие лица. Глаза глядят немного ввысь, внимательно и тихо. Губы закрыты, но не сжаты: верхняя губа как бы покоится на нижней. Небольшая борода раздвоена. Руки сложены и не шевелятся. И одежда на нем как на всех» [19, с. 162]. В этом описании «прочитывается» изображение Лица на иконе. Глаза, как самая важная деталь Лица, характеризуются глагольной формой «глядят»: глаза образуют связь молящегося с Лицом. Остальные детали представлены в покое. Словесное изображение вполне соответствует церковным иконописным канонам.

Соединение в лексеме «лицо» Лица как образа святого в православии и Лица как самой иконы с таким изображением становится символическим, концептуально значимым. Архетип Христа в тургеневском стихотворении воплощен как Богочеловек. Такое «очеловечивание» близко русской иконографической традиции.

С художественной точки зрения, образ Богочеловека может быть рассмотрен как лингвокультурологический концепт. Нома Христос воплощается в символе как метаязыковом знаке, подчиняется архетипическому образу Христа, который строится на традиции византийской и русской иконографии. Собственное имя Христос через многослойную интертекстуальную связь усиливает прежние знаковые точки и становится концептуальной метафорой, «палимпсестом»: метафора творит новый текст по «стертому», «просвечивающему» старому тексту.

Толкование и понимание имплицитных смыслов в представленном тексте И. С. Тургенева носит дискурсивный характер. Собственное имя Христос в рамках имагологии (имагопоэтики) может быть рассмотрено как фигура интертекста, как его индикатор, отсылающий к пре-тексту — сакральному тексту. В этой точке пересекаются иконография и иконология. Иконография опирается на предметный план, готовый продукт — изображение, созданное по определенному канону, системе правил. В филологии это соответствует статическому объекту, тексту, построенному тоже по определенному правилу, представляет собой фенотекст. Иконология же воспринимается как интерпретация изображаемого (метод познания), продукт, постоянно конструируемый, динамический, порождающий новые смыслы, то, что филологии определяется как генотекст. Последнее связано с интерпретацией смысла(ов) текста.

Восприятие текста культуры в когнитивном формате современного знания дает стохастическую (вероятностно бесконечную) структуру понимания текста, представленного как ментальный конгломерат текстов, впитавший в себя разные знаково-символические компоненты, характерные для религиозного, мистического, художественного, искусствоведческого, философского дискурсов. А такое прочтение известных текстов возможно только в новой методологии гуманитарного исследования, построенной на принципе междисциплинарного подхода.

Жанр мистерии в культурном пространстве первой половины XX в.

Проблема статьи находится в центре масштабного культурологического дискурса, посвященного компаративистике: мы сопоставляем произведения композиторов «раннего русского авангарда» [17, с. 590].

В первой половине XX в. в Москве и Петербурге происходило формирование различных художественных объединений. На выставках живописи стихийно возникали дискуссионные клубы, где обсуждались литературные манифесты. Движение русского художественного авангарда начиналось с усвоения отечественными деятелями искусств французского фовизма и кубизма, немецкого экспрессионизма и итальянского футуризма. В 1913 г. петербургский «Союз молодежи» объединил участников этой ассоциации под лозунгом движения к беспредметному искусству. Во главе организации находился композитор М. В. Матюшин (1861–1934), утверждавший закономерности новых отношений между символом и смыслом, словом и образом. «Однако деятельный и разносторонне одаренный человек, Матюшин остался в истории искусства не только как музыкант, но как художник, педагог, талантливый организатор, проницательный теоретик новой живописи», — отметила Т. Н. Левая [10, с. 140].

По определению искусствоведа А. Б. Накова, за десять лет произошла стремительная эволюция беспредметного искусства в живописи, изменившая «ориентацию и самые основы западного искусства» [13, с. 15]. Развитие живописи, связанное с именами К. Малевича, В. Татлина, Д. Бурлюка и др., было отмечено сотрудничеством художников, поэтов, литературных критиков и музыкантов. Авторы исследования о звуковых открытиях русского авангарда Е. Польдяева и Т. Старостина охарактеризовали появление манифестов того времени как «социокультурное явление» [17, с. 594].

Примечательным явлением русского футуризма стала «Победа над солнцем», в которой обнаруживаются театральнo-декоративные элементы постановки мистерии, также опера «припоминала» литургическое, мадригальное и народно-театральное «происхождение» [3, с. 35]. Исполнение произведения состоялось в Петрограде в начале декабря 1913 г. (текст А. Крученых и В. Хлебникова, музыка М. Матюшина, костюмы и декорации К. Малевича). «Победа над солнцем» отсылает к принципу театрализованного претворения жизни человека, погруженного в стихию художественного преобразования жизни.

Идеи о новом понимании категории пространства, о синтезе элементов формы, цвета и звука, слуха и зрения получили индивидуальное претворение в творчестве композитора Н. Б. Обухова (1892–1954), в 1918 г. эмигрировавшего из Советской России. Итогом его творческих поисков был мистический христианский проект «Книга жизни» (*Livre de la Vie*) на собственный текст. Замысел автора о Вселенском мистериальном действе имел целью преобразование сознания человека и человечества. 1 часть носила название «Течение жизни»; 2 часть — «Жизнь духа в объединенном бытии». Анализируя технику композиции Н. Б. Обухова, Ю. Н. Холопов отметил: «На рукописи автор красивыми большими буквами торжественно начертал (по-французски): “КНИГА ЖИЗНИ — ОТКРЫТА НИКОЛОЙ ИССТУПЛЕННЫМ... (par Nicolas L'Extasié)”. См. RM-1972 — P. 28» (цит. по: [12, с. 93]). Голос автора раскрывает один из аспектов замысла мистерии, связанный с течением жизни главного героя.

В 1926 г. Н. Б. Обухов изобрел электроинструмент «Звучащий крест» (*Croix sonore*); в звуковое пространство мистерии «Книга жизни» партия *Croix sonore* вошла наряду с партиями певцов-солистов и фортепиано в четыре руки (мистерия была реконструирована во Франции) [17, с. 619].

Мысль о совершенствовании духовного мира человека средствами музыкального искусства выразил композитор И. А. Вышнеградский (1893–1979), творчество которого после отъезда из России в 1918 г. продолжалось во Франции. Центральным произведением композитора является мистерия «День бытия» (1916–1918) для боль-

шого оркестра и чтеца (с возможным включением хора). Родственные концепции Скрябина мечты И. А. Вышнеградского были устремлены к созданию мистериального храмового действия. Основу сценического воплощения проекта мистерии составляла идея светового сопровождения звуковой ткани. Вышнеградский разделял идеи русской философии космизма и религиозной философии жизни; композитор, как известно, вел переписку с Н. А. Бердяевым.

Теологические проекты Н. Б. Обухова и И. А. Вышнеградского содержат аспекты духовных устремлений, восходящие к христианскому видению мира. Художественное творчество XX в. создает особую разновидность «мистерии самосознания» (определение В. И. Мартынова), в которой различим голос автора. Представляется актуальным высказывание композитора и музыкального философа В. И. Мартынова: «...не композитор выбирает предпочтительный для него тип композиции и музыкальный жанр, но тип композиции и музыкальный жанр избирают личность композитора для реализации заложенной в нем парадигмы взаимоотношения сознания с богооткровенной истиной» [11, с. 304].

Компаративистский метод анализа творческих устремлений композиторов XX в., обратившихся к старинному жанру мистерии, позволяет различать духовное измерение как особенность парадигмы взаимоотношений творческого сознания с истинами христианства.

Сюжет «Амур и Психея»: от авторского творчества к русскому фольклору

Изучение «вечных» сюжетов и образов, которые встречаются у разных народов в различные временные периоды и которые составляют некий единый культурный фон, всегда привлекало внимание исследователей. В работах, посвященных этой тематике, рассматриваются судьбы мифологических сюжетов в мировой культуре, пути создания аллегорий и символов на основе мифов, ракурсы восприятия и трансформации архаической и классической мифологии и т. д. [7].

Несколько в стороне от внимания исследователей осталось отражение мифологических сюжетов и их переосмысление сказочной традицией. Фольклористы никогда не ставили под сомнение заимствование сказкой элементов мифо-ритуальных практик, однако работ, посвященных использованию сказкой конкретного мифологического сюжета и его переосмыслению в рамках иной этнической традиции, немного.

Нам показалось интересным посмотреть, как в русской волшебной сказке отражается миф об Амуре и Психее, который является одним из популярных сюжетов мировой культуры.

Первым и наиболее известным вариантом литературного изложения истории любви царской дочери и бога любви является текст Апулея из его романа «Золотой осел». В сокращенном виде данный сюжет представлен и в «Мифологиях» Фульгенция. С наступлением Средневековья функционирование данного сюжета в литературе замирает. Но с XVI в. он прочно занимает свое место в живописи. Художников привлекали самые разные мотивы данного сюжета: от покорения Амура красотой Психеи и ее похищения со скалы Зефиром до посещения девушкой подземного царства, открытия шкатулки со сновидениями и счастливого финала истории, закончившегося свадьбой на Олимпе. Не остались в стороне от этой темы скульпторы и музыканты.

Постепенно сюжет возвращается в западноевропейскую литературу Нового времени. Наиболее подробная библиография по этому вопросу приведена в справочнике Ф. Бальденсперже и П. Ф. Вернера [21].

Русские авторы также начинают обращаться к этому сюжету. Наиболее известной является поэма И. Ф. Богдановича «Душенька». Эта тема привлекала авторов Серебряного века. В отечественном литературоведении немало работ, где рассматривается сюжет об Амуре и Психее в отдельных синхронных аспектах развития, анализируются сюжетные вариации и его бытование в различных жанрах [1; 9, с. 39–47; 14, с. 10–17].

Казалось бы, данное содержание должно было быть популярным и для фольклорной традиции. Но этого не произошло ни в европейских странах, хотя в ряде национальных традиций оно представлено отнюдь не единичными записями (АТ 425А / АТУ 425А [22, s. 464–472]), ни в России [6, с. 139–150].

Согласно сказочному указателю сюжетов [18, с. 132], зафиксировано семь русских текстов, причем два из них, по мнению составителей указателя, лишь частично соответствуют рассматриваемому типу. Помимо отмеченных в указателе текстов, выявлено еще четыре публикации данного сюжетного типа, а также предположительно четыре текста хранятся в архиве Карельского научного центра РАН. Необходимо отметить, что большинство текстов записано в Карелии, Архангельской и Мурманской областях. Такая географическая приуроченность сюжета, его широкое распространение на данной территории, возможно, связаны с бытованием данного текста в карельской и норвежской традиции, что позволяет говорить о влиянии на русский сказочный репертуар сказок соседних народов.

В авторских произведениях образы героев данного сюжета утонченные, соответствующие канонам красоты своего времени. Авторы привлекают самые разные мотивы данного сюжетного типа. В русской сказке ситуация иная. Сказка не знает портрета, но даже незначительные детали позволяют говорить о том, что русская героиня очень далека от образа прекрасной царской дочери, пленившей сердце бога любви. Она простая крестьянская девушка (реже купеческая дочь), в силу обстоятельств оказавшаяся женой некоего невидимого существа. Ее попадание в дом Амуре — это не происки разгневанной богини. Отец героини случайно вступает в контакт с неведомым существом, которое для компенсации нанесенного ему ущерба требует в жены одну из дочерей крестьянина. Иногда у дома героини появляются санки-самокатки, в которые девушка садится, и те привозят ее в дом будущего мужа, или к дому подкатывается золотая головка, за которой девушка идет.

Амур русской сказки тоже не утонченный юноша, а «солидный такой мужчина» или «мужичок хороший, в часах, при калошах». Иногда это юноша, у которого «по колено ноги в серебре, по локти руки в золоте».

Основным мотивом в сказочном повествовании является узнавание истинного облика героя, однако и тут вместо изящного светильника героиня довольствуется простыми спичками. Головка спички отлетает и обжигает героя, реже героиня подпаливает волос на его голове. Именно этим действием и объясняется имя, которое иногда используют сказочники, называя героя — Полек (от «ополненный»).

Сказке не интересны другие мотивы, присущие мифу; все внимание в ней сосредоточено на нарушении запрета смотреть на спящего мужа. В дальнейшем сказка развивается по сюжетной схеме, свойственной сказкам о поисках чудесного супруга.

Таким образом, русская волшебная сказка знает миф об Амуре и Психее, но осмысляет его по-своему, наполняя сказочное пространство не свойственными ни мифу, ни авторскому искусству деталями.

Выводы

В ходе комплексного исследования нами были применены методы иконологии и компаративистики и их инодисциплинарные аналогии. В каждом из исследователь-

ских эпизодов установлены взаимосвязи между текстом и контекстами, что позволило не только детально и глубоко интерпретировать культурные тексты, но и выявить общие для современной культуры принципы. В частности, мы пришли к выводу о причинности ретроспекций, синтетических явлений в современном искусстве и культуре, которая заключается в духовном оскудении общества, жажде гармонии, в поиске истинного смысла культуры и бытия. Синтетизм культуры и искусства предъявляет новые требования к исследователям, от которых ждут системности, комплексности, целостности видения. Это предполагает в высшей степени эрудированность и способность к осмыслению отдельных феноменов не как самостоятельных и самодостаточных объектов, а как компонентов общей системы, как неких знаков, заключающих в себе общекультурный смысл.

Таким образом, нами доказана эффективность методов иконологии и компаративистики. Их использование дает возможность сопоставления родственных объектов и процессов, их глубинной интерпретации через соотнесение с культурно-историческим контекстом, определения связей между разными областями культуры, выявления векторов развития современной культуры и искусства, интерпретации культуры через искусство, т. е. ее дешифровки. В этом случае текст является не только частью контекста, но и его концептом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Андерсон В.* Роман Апулея и народная сказка. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1914. Т. 1. 655 с.
- 2 *Архитектура Запада / Ш. Д. Аскарлов, А. П. Соколова, А. В. Ефимов и др.; редкол. В. Л. Хайт (отв. ред.) и др. М.: Стройиздат, 1987. Кн. 4: Модернизм и постмодернизм. Критика концепций. 181 с., ил.*
- 3 *Воробьев И. С., Синайская А. В.* Композиторы русского авангарда. СПб.: Композитор, 2007. 160 с.
- 4 *Головкин В. М.* Черты национального архетипа в мифологеме Христа произведений И. С. Тургенева // Проблемы исторической поэтики. 1994. Т. 3. С. 231–248.
- 5 *Грабовенко А. Ю.* Классическая традиция в архитектуре США и Западной Европы последней трети XX века: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2010. 27 с.
- 6 *Добровольская В. Е.* Сюжет «Амур и Психея» (СУС 425А) в русской сказочной традиции // Традиционная культура. 2017. № 3. С. 139–150.
- 7 *Журбина А. В.* Миф об Амуре и Психее в «Мифологиях» Фульгенция: аллегория или персонификация // Мифологические образы в литературе и искусстве / отв. ред. М. Ф. Надъярных, Е. В. Глухова. М.: Индрик, 2015. С. 10–17.
- 8 *Иконников А. В.* Архитектура XX века. Утопии и реальность. В 2 т. М.: Прогресс-Традиция, 2001. Т. 1. 656 с. М.: Прогресс-Традиция, 2002. Т. 2. 672 с.
- 9 *Котариди Ю. Г.* Рецепция сюжета об Амуре и Психее в повести «Любовь Психеи и Купидона» Ж. Лафонтена и иронико-комической поэме И. Ф. Богдановича «Душенька» // Сравнительное и общее литературоведение. Сб. ст. молодых ученых. М.: Макс Пресс, 2006. С. 39–47.
- 10 *Левая Т. Н.* Русская музыка начала XX века в художественном контексте эпохи. М.: Музыка, 1991. 166 с.
- 11 *Мартынов В. И.* Конец времени композиторов. Тула: Музей Органической Культуры, 2016. 352 с.

- 12 Музыка XX века. Московский форум: Мат. междунар. науч. конф. / редкол.: А. С. Соколов, В. Г. Тарнопольский, отв. ред. В. С. Ценова. М.: Московская консерватория Ред.-издат. отдел, 1999. 204 с.
- 13 *Наков А. Б.* Русский авангард. М.: Искусство, 1991. 192 с.
- 14 *Осокин М. Ю.* Сюжет о Психее и Купидоне в западноевропейской и русской литературах XVII–XVIII вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 22 с.
- 15 *Петренко В. Ф.* Основы психосемантики. М.: Эксмо, 2010. 480 с.
- 16 *Прокопцова В. П.* Компаративное искусствоведение: историко-теоретическое обоснование // Вестні Беларускай дзяржаўнай акадэміі музыкі: навукова-тэарэтычны часопіс. 2007. № 10. С. 70–77.
- 17 Русская музыка и XX век: Русское музыкальное искусство в истории художественной культуры XX в. / ред.-сост. М. Арановский. М.: Гос. ин-т искусствознания МК РФ, 1997. 874 с.
- 18 Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославян. сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 437 с.
- 19 *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1982. Т. 10. С. 161–162.
- 20 *Штейн С. Ю.* Методология в искусствоведении // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник Московской государственной художественно-промышленной академии им. С. Г. Строганова. 2017. № 1–4. С. 32–46.
- 21 *Baldensperger F., Werner P. F.* Bibliography of Comparative Literature. New York: Russell & Russell, 1960. 705 p.
- 22 *Megas G. A.* Amor und Psyche. Enzyklopädie des Märchens. Berlin; New York, 1976. Bd. 1, Lieferung 2. S. 464–472.
- 23 *Varakina G. V., Yudin M. V.* Classicism in the system of values of modern society // VI SWS international scientific conference of social sciences 2019. Conference proceedings. Vol. 6. Issue 5. 26 August – 1 September, 2019, Albena, Bulgaria. Sofia: STEF92 Technology Ltd., 51 “Alexander Malinov” Blvd., 2019. P. 11–19.

© 2022. Galina V. Varakina
Moscow, Russia

© 2022. Svetlana N. Perevolochanskaya
Moscow, Russia

© 2022. Valentina V. Azarova
St. Petersburg, Russia

© 2022. Varvara E. Dobrovolskaya
Moscow, Russia

ICONOLOGY AND COMPARATIVISTICS: INTERDISCIPLINARY DISCOURSE

Abstract: The present paper is the result of a comprehensive study of the author's collective. It touches upon different fields of humanitarian knowledge: art criticism, philology and folklore studies. The unifying core of the study is the principle of

interdisciplinary and research methods of iconology and comparative studies. The appeal to these methods is dictated both by the polystylistic nature of contemporary art and culture, as well as the change in the correlation of text and context within scholarly discourse. The strengthening of the role of context within the boundaries of a particular scholarly area allows one to reach the level of general artistic and even multicultural generalizations. At the same time the fiction text under study is thought of as part of the overall system, which allows us seeing in it not only the singular, but also the unified. Thus, the literary text is conceptualized as a cultural concept. The authors demonstrate this approach through the analysis of several artistic and aesthetic phenomena: the modern architectural neoclassicism (by G. V. Varakina), the prose poem “Christ” by I. S. Turgenev (by S. N. Perevolochanskaya), the 20th century mystery (by V. V. Azarova), the storyline “Cupid and Psyche” (by V. E. Dobrovolskaya). The general conclusion of the research establishes the importance of cross-disciplinary approach in Humanities, due to the growing complexity of culture and art and increasing requirements for researcher’s erudition and systematic way of thinking. Science strives to reveal the true meanings, making up for the lack of spirituality of the post-industrial society. Taking such an active interest in cross-disciplinary research is due to an increased concern for human beings, anthropocentricity.

Keywords: Iconology, Comparative Studies, Interdisciplinarity, Text and Context, Intertextuality, Symbol, Concept of Culture.

Information about the authors:

Galina V. Varakina — DSc in Culturology, Associate Professor, Institute of Slavic Culture, A. N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Khibinsky pr., 6, 129337 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0004-3989>

E-mail: galina_varakina@mail.ru

Svetlana N. Perevolochanskaya — PhD in Philology, Associate Professor, Institute of Slavic Culture, A. N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Khibinsky pr., 6, 129337 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6390-0469>

E-mail: perevolochanskaja@yandex.ru

Valentina V. Azarova — DSc in Arts, Saint-Petersburg State University, University Emb., 11, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1049-2259>

E-mail: azarova_v.v@inbox.ru

Varvara E. Dobrovolskaya — PhD in Philology, Institute of Slavic Culture, A. N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Khibinsky pr., 6, 129337 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2346-7493>

E-mail: dobrovolska@inbox.ru

Received: February 27, 2022

Approved after reviewing: April 16, 2022

Date of publication: December 28, 2022

For citation: Varakina G. V., Perevolochanskaya S. N., Azarova V. V., Dobrovolskaya V. E. Iconology and Comparativistics: Interdisciplinary Discourse. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 66, pp. 320–332. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-320-332>

REFERENCES

- 1 Anderson V. *Roman Apuleia i narodnaia skazka* [Novel by Apuleius and Folk-tale]. Kazan', Tipografiia Imperatorskogo universiteta Publ., 1914. Vol. 1. 655 p. (In Russian)
- 2 *Arkhitektura Zapada* [Architecture of the West], Sh. D. Askarov, A. P. Sokolina, A. V. Efimov and other; ed. by V. L. Khait and other. Moscow, Stroizdat Publ., 1987. Book 4: Modernizm i postmodernizm. Kritika kontseptsii [Modernism and Postmodernism. Criticism of Concepts]. 181 p., il. (In Russian)
- 3 Vorob'ev I. S., Sinaiskaia A. V. *Kompozitory russkogo avangarda* [Russian Avant-garde Composers]. St. Petersburg, Kompozitor Publ., 2007. 160 p. (In Russian)
- 4 Golovko V. M. Cherty natsional'nogo arkhetaipa v mifologeme Khrista proizvedenii I. S. Turgeneva [Aspects of a National Archetype in the Mythologised Depiction of Christ in Turgenev's Works]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, 1994, vol. 3, pp. 231–248. (In Russian)
- 5 Grabovenko A. Iu. *Klassicheskaia traditsiia v arkhitekture SShA i Zapadnoi Evropy poslednei treti XX veka* [Classical Tradition in the Architecture of the USA and Western Europe in the Last Third of the 20th Century: PhD Thesis, Summary]. St. Petersburg, 2010. 27 p. (In Russian)
- 6 Dobrovol'skaia V. E. Siuzhet “Amur i Psikheia” (SUS 425A) v russkoi skazochnoi traditsii [Plot № 425A of Comparative Index of Plots (“Cupid and Psyche”) in Russian Folk-tale Tradition]. *Traditsionnaia kul'tura*, 2017, no 3, pp. 139–150. (In Russian)
- 7 Zhurbina A. V. Mif ob Amure i Psikhei v “Mifologiiakh” Ful'gentsiia: allegoriia ili personifikatsiia [The Myth of Cupid and Psyche in the “Mythologies” Fulgence: Allegory or Personification]. In: *Mifologicheskie obrazy v literature i iskusstve* [Mythological Images in Literature and Art], ex. ed. M. F. Nad'iarnykh, E. V. Glukhova. Moscow, Indrik Publ., 2015, pp. 10–17. (In Russian)
- 8 Ikonnikov A. V. *Arkhitektura XX veka. Utopii i real'nost'. V 2 t.* [Architecture of the 20th Century. Utopiae and Reality. In 2 Vols.]. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2001. Vol. 1. 656 p. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2002. Vol. 2. 672 p. (In Russian)
- 9 Kotaridi Iu. G. Retseptsii siuzheta ob Amure i Psikhei v povesti “Liubov' Psikhei i Kupidona” Zh. Lafontena i iroi-komicheskoi poeme I. F. Bogdanovicha “Dushen'ka” [The Reception of the Plot about Cupid and Psyche in “The Love of Psyche and Cupid” by J. Lafontaine and the Heroic-comic Poem by I. F. Bogdanovich “Dushenjka”]. In: *Sravnitel'noe i obshchee literaturovedenie. Sbornik statei molodykh uchenykh* [Comparative and General Studies of Literature]. Moscow, Maks Press Publ., 2006, pp. 39–47. (In Russian)
- 10 Levaia T. N. *Russkaia muzyka nachala XX veka v khudozhestvennom kontekste epokhi* [Russian Music in the Early 20th Century and its Artistic Context]. Moscow, Muzyka Publ., 1991. 166 p. (In Russian)
- 11 Martynov V. I. *Konets vremeni kompozitorov* [Time of Composers]. Tula, Muzei Organicheskoi Kul'tury Publ., 2016. 352 p. (In Russian)
- 12 *Muzyka XX veka. Moskovskii forum: Materialy mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsii* [20th Century Music. Moscow Forum: International Conference Materials], ed. by A. S. Sokolov, V. G. Tarnopol'skii; ex. ed. V. S. Tsenova. Moscow, Moskovskaia konservatoriia Redaktsionno-izdatel'skii otdel Publ., 1999. 204 p. (In Russian)
- 13 Nakov A. B. *Russkii avangard* [Russian Avant-garde]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1991. 192 p. (In Russian)

- 14 Osokin M. Iu. *Siuzhet o Psikhee i Kupidone v zapadnoevropeiskoi i russkoi literaturakh XVII–XVIII vv.* [The plot of Psyche and Cupid in Western European and Russian literature of the 17th – the 18th centuries: PhD Thesis, Summary]. Moscow, 2005. 22 p. (In Russian)
- 15 Petrenko V. F. *Osnovy psikhosemantiki* [The Essentials of Psychosemantics]. Moscow, Eksmo Publ., 2010. 480 p. (In Russian)
- 16 Prokoptsova V. P. *Komparativnoe iskusstvovedenie: istoriko-teoreticheskoe obosnovanie* [Comparative Art History: Historical and Theoretical Justification]. *Vestsi Belaruskai dziarzhajnai akademii muzyki: navukova-tearetychny chasopis*, 2007, no 10, pp. 70–77. (In Russian)
- 17 *Russkaia muzyka i XX vek: Russkoe muzykal'noe iskusstvo v istorii khudozhestvennoi kul'tury XX v.* [Russian Music and the 20th century: Russian Musical Art in the History of Artistic Culture of the 20th century], ed. and comp. M. Aranovskii. Moscow, The State Institute for Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation, 1997. 874 p. (In Russian)
- 18 *Sravnitel'nyi ukazatel' siuzhetov: Vostochnoslavianskaja skazka* [Comparative Index of Plots: East Slavs. Fairy Tale], comp. L. G. Barag, I. P. Berezovskii, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 437 p. (In Russian)
- 19 Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t.* [The Complete Set of Works and Letters: in 30 Vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1982, vol. 10, pp. 161–162. (In Russian)
- 20 Shtein S. Iu. *Metodologija v iskusstvovedenii* [Methodology in Art History]. *Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaia sreda. Vestnik Moskovskoi gosudarstvennoi khudozhestvenno-promyshlennoi akademii im. S. G. Stroganova*, 2017, no 1–4, pp. 32–46. (In Russian)
- 21 Baldensperger F., Werner P. F. *Bibliography of Comparative Literature*. New York, Russell & Russell Publ., 1960. 705 p. (In English)
- 22 Megas G. A. *Amor und Psyche. Enzyklopädie des Märchens*. Berlin, New York, 1976, Bd. 1, Lieferung 2, pp. 464–472. (In English)
- 23 Varakina G. V., Yudin M. V. *Classicism in the system of values of modern society. VI SWS international scientific conference of social sciences 2019. Conference proceedings. Vol 6. Issue 5. 26 August – 1 September, 2019, Albena, Bulgaria. Sofia, STEF92 Technology Ltd., 51 “Alexander Malinov” Blvd., 2019, pp. 11–19. (In English)*